

Наум АРДАШНИКОВ

ПОЕЗДКА В ИТАЛИЮ. ПЕРВАЯ РЕЖИССЕРСКАЯ РАБОТА

—Где вы изволите пропадать, молодой человек?—такими словами встретил меня Райзман, когда я вернулся из Парижа, где занимался копией «Сюжета для небольшого рассказа». Тут же я узнал, что меня ищут, и что через пару дней мы улетаем в город Жданов знакомиться с торговым флотом. Я обрадовался—это означало, что начинается новая картина, о замысле которой мне давно рассказывал Райзман.

Не могу сказать, что история о моряке, который сочиняет пьесу, произвела на меня большое впечатление, но авторитет режиссера был выше всяких сомнений. Я был просто счастлив от возможности снова работать с Юлием Райзманом!

Соавтором сценария был Анатолий Борисович Гребнев. С ним я быстро подружился и сохранил эту дружбу на долгие годы (сегодня с любовью и грустью храню о нем светлую память).

Втроем мы отправились изучать торговый флот в древний город, который сегодня находится в другом государстве и даже называется по-другому—Мариуполь. А тогда нас очень гостеприимно встретили в городе Жданове. За два дня мы побывали на самых разных кораблях. Везде прослушивали доклады о водоизмещении, каботажном плавании, иностранных портах, трюмах, летучих голландцах, докерах, таможенных досмотрах, шторах и многом другом.

Но это была лишь прелюдия к незабываемым, грандиозным пьянкам, которые ожидали нас в кают-компаниях. Все капитаны были рады нашему приходу и готовы к любому исходу сотрудничества с кинематографом. Все и всегда заканчивалось банкетом, и хоровым пением песни «С чего начинается Родина?» Вторая строчка песни звучала так: «С досмотра в твоём рундуке...»

Что было потом, мы с Анатолием Борисовичем вспоминали с большим трудом. Зато Райзман все видел и все помнил. На третий день он сказал историческую фразу, в корне поменявшую содержание фильма: «Все, достаточно, переходим на военный флот. Здесь вы окончательно и быстро сопьетесь! А там все-таки военная дисциплина».

Как он был слабо информирован, мы вскоре смогли убедиться.

Военный министр маршал А.А.Гречко к предложению Райзмана отнесся с интересом и даже благосклонно. Тогда же возникла идея с визитом военного корабля в какой-нибудь иностранный порт. Отсюда и возникло название «Визит вежливости». Почему Райзман решил, что корабль пойдет в Неаполь, остается загадкой. По крайней мере, для меня. Как ни странно, эта идея никаких возражений не вызывала.

Правда, министр Романов очень удивился, когда Райзман заявил, что ему надо с автором сценария и оператором срочно отправиться в Италию для изучения материала. И что без оператора он не поедет. Министр возражал против поездки оператора, говоря, что ведь еще нет даже сценария. Но Райзман был настойчив, и мы поехали в Италию!

Конечно, немало времени ушло на оформление, организацию и всякие согласования. Поездку Райзмана сопровождали разного рода шифрограммы, просто распоряжения, послания и рекомендации.

Юлий Яковлевич намечал встречаться с руководством итальянской компартии, с Эдуардо Де Филиппо, с мэром Неаполя, с Карло Понти, с Дино Де Лаурентисом, с неким профессором-славистом в Неаполе, с лидерами молодежных организаций и еще с кем-то. Все это требовало основательной подготовки (сразу скажу, что все намеченные встречи состоялись).

Мы прибыли в Рим в начале ноября (естественно, с нами была Сюзанна Андреевна—супруга Райзмана). Нас радушно встретили и повезли в гостиницу «Рома», в которой Райзман жить отказался, несмотря на бурные протесты встречавших. В это время в Риме находились Орсон Уэллс, Бондарчук с Досталем и еще какие-то известные кинематографисты. Все они жили в дорогом отеле на площади Испании, название отеля я, к сожалению, забыл. По какой причине все они там оказались, тоже не помню.

Вот там нас и поселили, и я имел редчайшую возможность быть свидетелем свидания Райзмана с Орсоном Уэллсом.

Первую ночь в Риме мы с Толей бродили по городу до полного изнеможения, потом долго не могли уснуть от переполнявших нас впечатлений.

Советский посол принял нас на следующий день. Долго объяснял сложную обстановку в стране, выделил нам консультанта—молодого человека, специалиста по буржуазным партиям, и пообещал седьмого ноября во время приема в посольстве по случаю праздника устроить нам встречу с коммунистическими лидерами. Потом убеждал нас быть предельно осторожными и не поддаваться на провокации.

Консультант прочитал нам длинную и взволнованную лекцию о христианских демократах, клерикалах, либералах, фашистах и еще каких-то нехороших партиях. Толя сообщение честно выслушал и даже законспектировал. Мы с Юлием Яковлевичем немного подремали. Потом лектор пожаловался на скучную жизнь и пригласил нас в гости.

По совету Замойского—корреспондента какой-то московской газеты—мы ходили обедать в тосканскую таверну. Там произошло забавное происшествие. Предусмотрительный Райзман привез из Москвы бумажку со списком итальянских блюд: «прошютто, тортолино бродо, спагетти карбонари, пицца» и много-много других.

Мы этим меню успешно обходились. Однако Толя однажды вдруг потребовал в таверне какие-то «котлетто ди Милано». Официант очень удивился и раза три переспросил тревожным голосом, но Толя был тверд, и официант удалился. Вскоре он вернулся с человеком, очень похожим на Пальмиро Тольятти, наверное, хозяином таверны.

Оба итальянца темпераментно, перебивая друг друга, что-то говорили, размахивали руками, смеялись и снова говорили, говорили. Райзман попро-

сил Толю образумиться, но тот важным голосом потребовал свои «котлетто ди Милано». Итальянцы переглянулись и развели руками.

Вскоре официант явился с огромным блюдом, на котором высилась высоченная гора аппетитных котлет. Торжественно поставил на стол: «Котлетто ди Милано, сеньор!» Оказалось, что это блюдо специально предназначено для больших семейных праздников.

Седьмого ноября, перед праздничным приемом в советском посольстве, состоялась наша встреча с редактором коммунистической газеты «Унита» Джан Карло Пайета и партийным секретарем Джорджи Наполитано. Поразительно, но сегодня Наполитано—президент Италии!

Мне думается, что эта встреча, как и другие, которые случились позже, была некой приметой времени, приметой эпохи «большого стиля».

Итальянские функционеры рассказали нам много интересного, чего мы не знали. Особенно меня удивило то, что среди членов компартии были и священники, и миллионеры.

Потом был роскошный прием в посольстве, с большим числом знаменитых персон, среди которых выделялась Софи Лорен со своим супругом Карло Понти. Райзман о чем-то побеседовал со знаменитым продюсером, по-моему, по-французски.

Через несколько дней нас представили Луиджи Лонго, генеральному секретарю компартии (когда я говорю «нас», то подразумеваю, что это относится, главным образом, к Райзману, мы с Толей были «сопровождающие лица», не более). Знакомство с Лонго состоялось в большом, многоярусном зале театра, во время торжественного собрания по случаю Октябрьской революции.

Все балконы были увешаны знаменами и лозунгами, переполненный зал хором пел «Бандера россса». Это производило большое впечатление.

Лонго сказал, что ему очень нравится картина Райзмана «Коммунист» (мы в этом и не сомневались!). Лонго охраняли двое громадных мужчин, похожих на персонажей американских гангстерских фильмов. В конце вечера они нам посоветовали побыстрее убраться через служебный выход, так как на улице собралась большая антикоммунистическая демонстрация. Ожидалась хорошая потасовка. Мы добрым советом воспользовались.

Райзман неукоснительно выполнял свой план намеченных встреч. Де Лаурентис пригласил нас на свою студию «Чинечитта». Мне кажется, «Мосфильм» выглядит помощней и побольше. Понравились лишь лифты в павильоне—можно было быстро добраться до колосников. Да еще удивило, что рабочий в павильоне называл хозяина студии по имени и был с ним на «ты». О чем говорили мэтры—не знаю. Могу только догадываться...

Наконец, мы добрались до главной цели нашей поездки—Неаполя.

В гостинице молодой портье, выдавая ключи, с подтекстом произнес: «Ваши номера 1905 и 1917! Десятинадцатый этаж». Оказывается, он окончил университет и по специальности—историк.

Ночью я проснулся от непонятных шипящих звуков. Открыв глаза, увидел странную картину: на соседней кровати сидел Толя Гребнев с карандашом в руках, что-то писал в блокноте и при этом шептал: «шеши, беши».

Дело в том, что в Москве нам выдали довольно большую сумму денег под отчет. Мудрый и опытный Райзман назначил Гребнева нашим бухгалтером, и ответственный Толя по ночам пересчитывал расходы. Почему-то всегда на грузинском языке. Сказывалось, видимо, тбилисское детство.

В будущем фильме намечалось показать экскурсию наших военных моряков на раскопки Помпеи, погибшей в 79 г. н.э. от извержения вулкана Везувий. Дней десять мы бродили по руинам. Облазили и сфотографировали все, что было возможно. Было любопытно видеть, как Райзман выстраивает будущие мизансцены, на ходу придумывает диалоги и тут же их проигрывает. Мне доставались почему-то только женские роли. Директор музея проникся к нам большим почтением и уважительно называл Райзмана «сеньор профессоре». Однажды он выдал служителю большую связку ключей и что-то строго сказал. Оказалось, он разрешил показать нам эротические фрески, закрытые от обычных посетителей щитами—на манер ставней. Ключи были от этих щитов. Фресок было много и самых-самых разных.

В древнем Риме царил культ секса. В руинах даже сохранился публичный дом. Можете себе представить, какие картинки на стенах мы увидели! Большое впечатление произвели на нас и мумифицированные вулканическим пеплом и лавой человеческие тела. Надо сказать, что почти все, что мы увидели, было исползовано при съемках. Вспоминая это с некоторой грустью, иногда даже закрадывается сомнение—а было ли все это?

...Встреча с Де Филиппо происходила у него дома, в небольшой квартире в здании театра. Он рассказывал нам о своем театре, о том, что в Италии легко снимать кино, так как все итальянцы прирожденные артисты. Поставьте камеру на любом углу и включайте мотор—результат будет обязательно! Де Филиппо, похвалив постановку «Филумены Мартурано» в театре имени Евг. Вахтангова с Рубеном Симоновым, Юрием Яковлевым и Цецилией Мансуровой, добавил, что его мебель куплена в Москве на гонорар за пьесу. Райзман в свою очередь сказал, что дружит с Симоновым с юношеских лет, любит итальянское кино и терпеть не может очень крупные планы—эту «жизнь голов».

У нас был замечательный переводчик, похожий на Баниониса, только чуть пониже ростом. Его переводы были весьма точными, быстрыми и эмоциональными, но очень напрягали Юлия Яковлевича. Обращаясь к Де Филиппо, Райзман почтительно и вежливо называл его «сеньор Эдуардо», а переводчик фамильярно говорил «сенто, Эдуардо». Это равносильно русскому «послушай, Эдуардо» и вдобавок на «ты». К счастью, Эдуардо не обижался.

Наша приятная и интересная беседа продолжалась несколько часов. Опять спешу извиниться, конечно, это была беседа двух замечательных мастеров, а мы лишь молча присутствовали.

Каждое утро Райзман предлагал нам план действий на день. Обычно это было совсем не то, о чем договаривались накануне. Толя Гребнев называл это утренними идеями. В то «роковое» утро Райзман сказал, что мы едем в Сорренто. Быть в Неаполе и не побывать в легендарном Сорренто—невозможно.

От Неаполя до Сорренто километров пятьдесят. По дороге Райзман рассказал, что в Сорренто родился Торквато Тассо, жил Горький, Ибсен написал там «Пер Гюнта», а Ницше поругался с Вагнером. Еще в Сорренто лучшие рыбные рестораны и очень вкусные королевские креветки. Откуда он все это узнал, мы так и не выяснили, но слушали в приятном ожидании креветок.

Машина остановилась на самом берегу. Восторженный Толя выскочил из машины с криком: «Вернись в Сорренто!» И в ту же секунду упал в море, поскользнувшись на камне. Гребнев в модной шляпе на голове, мокрый по пояс и покрытый водорослями—это было незабываемо!

Прогулка оказалась испорчена. Надо было срочно отвозить пострадавшего в гостиницу, сушить и чистить. Всю дорогу обратно мы хохотали так, что водитель-итальянец несколько раз выскакивал на встречную полосу.

Водителя звали Мимо, он утверждал, что уважает коммунистов, но по убеждениям—фашист. Толя вступал с ним в политические споры. Переводчик никак не мог понять суть дискуссии, не улавливал разницы.

У нас был допотопный русско-итальянский разговорник. В нем были такие слова: «извозчик, провизор, городской, курсистка». С помощью этого разговорника мы попытались спасти Толин костюм. Во время телефонных переговоров с сервисом гостиницы Толя услышал слово «стираре». Обрадовался и согласился, чтобы его костюм «стираре». Очень уж это напоминало наше родное «стирать»! Костюм вернули идеально отглаженным, но все зеленые следы водорослей стали еще ярче и наглядней. Выяснилось, что «стираре» на итальянском значит гладить! Пришлось отдавать костюм в чистку.

Меня всегда поражало, как дотошно Райзман изучал все, что могло иметь отношение к будущему фильму, будь то городские пейзажи, или содержание листовок на стенах домов, интерьеры ночных клубов, или мундиры военных моряков...

Число фотографий, которые я сделал в Неаполе, приблизилось к тысяче. Гребнев отдирал листовки со стен, те, которые не отдирались, дотошно переписывал. В Москве все тексты перевели на русский язык. Райзман постоянно повторял свою любимую фразу: «Ищите, дети мои, ищите. Истина—всегда рядом!»

Следующая «утренняя идея» повергла нас в уныние. Мы с Толей рассчитывали вечером пойти в кино—смотреть «Сатирикон», но Райзман твердым голосом заявил, что мы идем встречаться с молодежью. Причем идем без него, чтобы не смущать молодежь его возрастом. Об исполнении доложить по возвращении. Возражения не принимались. Когда он успел договориться? Это мы так и не выяснили. Недаром, наверное, у Райзмана было прозвище—«Временное правительство».

К вечеру за нами приехал молодой человек на дорогом автомобиле и помчал, именно помчал, в клуб молодых христианских демократов. Быструю езду я люблю, но за рулем сидел человек с большим горбом на спине. Его голова (а значит, и глаза) находилась где-то на уровне руля, не выше. Что он мог видеть перед собой? И при этом несся с дикой скоростью по довольно узким улочкам. Еще он все время что-то говорил, смеялся и, бро-

Наум Ардашиков и Юлий Райзман на съемках

сая руль, размахивал руками. Наше состояние описывать не стану. Анатолий Борисович только сказал грустно: «Хорошо хоть, что успел почистить костюм...»

В клубе было довольно много молодых милых девушек и юношей. Нас вежливо приняли, засыпали вопросами, среди которых попадались совсем наивные. Например, спрашивали: «Правда ли, что в Одессе можно купить женщину за хлеб и колготки?» (У девушки, задавшей вопрос, отец, капитан корабля, часто бывал в Одессе.) Были и острые замечания о нашей нехорошей политике, о преследовании диссидентов и разные другие. Мы с Анатолием Борисовичем достойно отбивались.

Но главное испытание ожидало нас в клубе молодых коммунистов, куда нас отвезли позже. Там собралась большая компания леваков: маоисты, троцкисты, гошисты, поклонники Че Гевары. Все стены увешаны портретами Ленина, Мао, Троцкого, Кастро и, конечно, Гевары.

Нас зло упрекали во всем, за что хвалили христианские демократы. Главная претензия—отказ от доктрины мировой революции, о которой они мечтали. Потом нам долго объясняли, что мы обуржуазились, зажрались,

обленились и стали пособниками мирового империализма. Как доказательство приводилось строительство автозавода в Тольятти. На прощание нас предупредили о скорой всеобщей забастовке в Италии.

Тоя пламенными словами убеждал всех в чистоте наших устремлений. Мне очень хотелось бы узнать, что эти люди думают о нас сегодня...

Райзман отчет одобрил, но предупредил, чтобы мы не расслаблялись. У него были еще обширные планы изучения капиталистической жизни.

Но случилась обещанная всеобщая забастовка. Страну парализовало. На улицах начались демонстрации, митинги, стычки с полицией. Я никогда не видел такого числа флагов, лозунгов и портретов Ленина, Мао Цзе Дуна, Че Гевары. Райзман очень огорчился, что у нас нет с собой кинокамеры. Такое упускаем!

Я немного снимал фотоаппаратом, но пришлось быстро отказаться—демонстранты пару раз хотели меня побить. Было страшновато, особенно, когда толпа демонстрантов смотрела на тебя с ненавистью и скандировала: «Полиция, полиция, фашисто, фашисто».

Шел конец декабря. И вдруг выяснилось, что у нас давно закончились так называемые «сольджорно»—временные удостоверения на пребывание в стране.

Райзман решил, что продлевать их пойдет самый молодой, то есть, я. Переводчик и я явились в квестуру (управление полиции) рано утром. Там был разгар ремонта. Начальник полиции, квестор, долго изучал наши документы. В это время мимо распахнутых дверей кабинета двое полицейских тащили большой шкаф. Вдруг раздался дикий грохот—полицейские уронили свою ношу. Квестор вздрогнул и что-то сказал переводчику, тот перевел: «Почему, когда появляются русские, обязательно начинается война?» Но документы квестор нам все же продлил и предупредил, что в Риме в МИДе надо поставить печати.

Это тоже было поручено мне. Римский чиновник долго возмущался действиями неаполитанского полицейского, потому что тот не имел права решать этот вопрос. Переводчица, сеньорита Гриеко, мне перевела: «Они до сих пор думают, что это неаполитанское королевство!» Но и здесь все обошлось. «Сольджорно» нам продлили.

Самое большое впечатление в Риме произвел Ватикан—воскресная проповедь папы из окна на верхнем этаже резиденции, многотысячная толпа людей на площади, в восторге встречающая появление папы. Внутри собора изумила исповедальня, на которой была прилеплена бумажка с надписью: «по-русски». Очень захотелось исповедоваться, но Райзман меня не пустил. В цокольном помещении собора, недалеко от папских усыпальниц, находился сувенирный прилавок. Две очень красивые, высоченные, чернокожие монахини в белоснежных рясах торговали всякими религиозными сувенирами. Сейчас бы я сказал о тонкой маркетинговой политике. Тогда я этих слов еще не знал, но какой-то освященный крестик своей маме купил, не удержался.

Это были самые последние дни нашего пребывания в Италии. Накануне Нового Года мы были уже дома.

Прочитал все написанное и вдруг обнаружил, что совершенно упустил из вида четвертого члена нашей компании—супругу Райзмана

Н. Ардашиников, Ю. Райзман и М. С. Филимонова

Сюзанну Андреевну. Это только потому, что она была необычайно тонка и деликатна. И не только в той поездке. За все время работы с Юлием Яковлевичем не могу вспомнить ни единого случая, чтобы Сюзанна вела себя иначе.

После возвращения из Италии Райзман с Гребневым плотно занялись новым сценарием. Я понял—это надолго. Юлий Яковлевич даже сказал, что до осени у меня есть время заняться какой-нибудь работой, желательно короткой и хорошо бы с молодым режиссером. До сего дня для меня осталось загадкой такое пожелание Райзмана. По тем временам я очень нервно переносил вынужденную безработицу. К моему удивлению возникла парадоксальная ситуация. Вроде бы я неплохо справился с тремя сложными, совершенно непохожими картинками, получил лестную оценку коллег, критики и даже благодарность министра за использование советской пленки в картине Юткевича. Однако перспективы работы были весьма туманными, и я никак не мог понять, почему. Оставалось долго ждать Райзмана, который только-только начал писать с Гребневым новый сценарий. Позже я понял, что молодые режиссеры просто, видимо, не хотели иметь дело с «придворным» оператором классиков.

Правда, я получил несколько предложений от маститых режиссеров, сверстников Райзмана и Юткевича, но мне не по душе были предлагаемые сценарии. Да еще Юлий Яковлевич, ни слова не говоря, отрицательно покачивал головой, когда я приходил советоваться.

И вот появилось предложение снять трехсерийный телефильм «Вся королевская рать». Сегодня каюсь в том, что не сказал об этом Райзману,—уж очень заманчивой казалась возможность заработать побольше денег.

Предложил мне эту работу Гоша Рерберг, который сначала был там оператором, но по каким-то своим соображениям снимать фильм отказался. О том, что эта работа так повлияет на мою судьбу, я тогда даже не догадывался.

В картине должны были сниматься блистательные артисты: Павел Луспекаев, Михаил Козаков, Ростислав Плятт, Анатолий Папанов, Евгений Евстигнеев, Лев Дуров, Олег Ефремов, Алла Демидова, старший Янковский, Таня Лаврова и даже Ада Войцик!..

Пугала задача снимать картину на чужом, малознакомом материале, но рядом был замечательный художник Борис Бланк. Он обладает удивительной способностью находить в самых сложных обстоятельствах простые, точные и выразительные решения. В этом я впоследствии сполна убедился, проработав с Борисом не на одной картине.

В первый день съемки случилось непоправимое трагическое событие. Мы потеряли замечательного Павла Луспекаева. Эта потеря ужасно несправедлива и невосполнима для нашей страны. Ведь ему было чуть больше сорока лет, и он был в расцвете своего редкого таланта. До сегодняшнего дня меня не покидает чувство глубочайшего горя.

Картину подумывали закрыть, но не решились—слишком много уже было истрачено средств, сил, времени. Начались поиски нового актера. Это было совсем не просто. Перепробовали всех известных артистов нужного возраста: от Олега Ефремова до Юрия Петровича Любимова. Надо отдать должное Михаилу Козакову, который, буквально за руку, привел Георгия Степановича Жженова. Это была большая удача. Редкое сочетание артистического таланта и удивительного жизненного пути делало его убедительным и достоверным в любой роли.

Эта картина оказалась для меня во многом определяющей, в корне перекроившей позднее всю мою судьбу. Честное слово, я до сих пор не понял, хорошо это или плохо (я имею в виду мое непреодолимое желание заниматься режиссурой). А «виноват» в этом Олег Ефремов.

Однажды после очередного дубля он подошел ко мне и тихо спросил: «Ну, как, тебе понравилось или нет? Я же не вижу себя со стороны, а тебе доверяю».

Не смейтесь, но именно эти слова заставили меня задуматься. Думаю до сего дня и поражаюсь, как неожиданные слова, поступки, встречи или совпадения могут влиять на всю твою судьбу.

К этой работе у меня двойственное отношение. Поэтому мне трудно что-нибудь вспомнить, не испытывая каких-то сомнений относительно собственной безупречности в истории замены режиссера, хотя инициатива в этом деле целиком принадлежала телевизионному начальству. Проблема возникла в процессе съемок из-за того, что уровень режиссуры А.З.Гутковича не соответствовал могучей компании артистов, и начальство засомневалось в конечном результате.

Артисты идею замены режиссера дружно поддержали, Жженов, неожиданно для меня, предложил мою кандидатуру. Мне были предоставлены все полномочия, и я начал свою деятельность с замены монтажера. Опять же случайно мне повезло. Новым монтажером стала прелестная молодая

девушка—Таня Егорычева. Сегодня это один из лучших в нашем кино режиссеров монтажа. Достаточно сказать, что у нее за плечами почти все классические картины Данелии: «Афоня», «Мимино». «Паспорт», «Осенний марафон» и много-много фильмов других мастеров.

А тогда это была юная барышня, начинающая свою удивительную карьеру в кинематографе. С гордостью говорю, что все фильмы, какие мне довелось поставить, монтировала Татьяна Егорычева.

Пришлось пригласить и нового оператора. Им стал Виктор Белокопытов, который работал со мной еще в Таджикистане. Поснимал он недолго, месяца полтора, и... уехал в Израиль, где успешно работает сейчас на телевидении. Третьим оператором стал мой сокурсник и близкий друг Альфредо Альварес. Он отлично доснял картину.

К концу семидесятого года работа заканчивалась. Последние месяцы были для меня крайне трудными из-за того, что они совпали с началом кинопроб на картине Райзмана. Несколько недель приходилось трудиться по шестнадцать, а порой и больше, часов в день.

«Вся королевская рать» была принята очень хорошо. Картину много раз показывали на телевидении. Каждые четыре года в ноябре, когда в Штатах проходили президентские выборы, ее повторяли обязательно. Она получила премию на всесоюзном фестивале телевизионных фильмов (горжусь тем, что на этом же фестивале получил премию и Марлен Хуциев за картину «Был месяц май»—конкуренция на фестивале была серьезной!).

Появился еще один важный повод для гордости—картину одобрил Райзман. С оговорками, замечаниями, претензиями, но—одобрил! Это стало для меня самым дорогим подарком.

При этом полушутя, полусерьезно Юлий Яковлевич сказал, что, по его мнению, кинорежиссером может стать любой человек. Надо только иметь вкус, слух и, желательнее, мозги. Последнее—необязательно. И еще надо придумать себе какую-нибудь причуду. Вот Ромм придумал—быть умным, Довженко—быть украинцем, Тарковский—кусать ногти, Луков—быть толстым, а Юткевич—говорить по-французски. Он говорил еще о ком-то, но я забыл. Потом помолчал и грустно добавил, что режиссер—самая проституированная профессия.

Очень непрост был Юлий Яковлевич Райзман. Очень непрост...